

О. Б. БУБЕНОК

КРЕМАЦИОННЫЙ ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЙ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ?

В среде современных исследователей археологических памятников Хазарского каганата до сих пор не сложилось единого мнения относительно сколь-нибудь убедительной интерпретации погребальной обрядности племен, входивших в состав империи хазар. До этого особенности погребального обряда салтовских племен давали основания многим археологам выделять внутри салтовской культуры локальные варианты, соотносимые с известными по письменным источникам этническими группами. Исследователи памятников салтовской культуры уже давно пришли к выводу, что население Хазарского каганата было полиэтничным, и поэтому каждый этнос должен был обитать лишь на определенной территории. Однако эта, казалось бы стройная, схема начала рушиться, когда археологи начали предпринимать попытки этнически атрибутировать кремационные захоронения салтовского типа, встречающиеся лишь в двух ареалах распространения салтовской культуры. Одним из них стал район Северо-Западного Кавказа, где, по данным письменных источников, в поздне-хазарское время обитал массив адыгоязычных касогов. В соответствии этому, исследователи пытались выяснить, соотносятся ли как-то кремационные захоронения салтовского типа в этом месте Кавказа с пребыванием здесь касогов-адыгов или нет. При этом, в случае положительного ответа на вопрос, возникала другая дилемма: почему новый обряд погребения умерших получил распространение на Северо-Западном Кавказе именно в хазарское время? Кажется, что для решения данной проблемы уже давно назрела необходимость отказаться от устоявшихся стереотипов в салтовской археологии, в соответствии с которыми определенный погребальный обряд должен был соответствовать лишь одному этносу, что создавало большие удобства при построении реконструкций этнических процессов прошлого. Однако при этом, кроме фрагментарных данных письменных источников, не привлекались для сравнения данные других смежных гуманитарных дисциплин, несмотря на то, что немаловажное значение для этого имеют данные этнографического характера. Данные этнологии свидетельствуют лишь о том, что в среде одного этноса могут иметь распространение различные погребальные традиции. И наоборот – один и тот же погребальный обряд может иметь место в среде нескольких соседних

этнических групп региона. Именно эти особенности предопределены многими факторами, и полиэтнический Кавказ является именно тем местом, где эти черты нашли яркое проявление. Кажется, что данная проблема может быть разрешима лишь при изменении методологических подходов к ней. Таким образом, имеет смысл попробовать решать проблемы этнической истории не с позиций археологии, а с позиций этнологии. Однако имеем ли мы достаточно материала для ретроспективного анализа этнических процессов, имевших место более тысячи лет назад на южных границах Хазарского каганата?

Исследователи уже давно обратили внимание, что на некоторых раннесредневековых могильниках Северо-Западного Кавказа имел распространение обряд кремации, столь не типичный для северокавказских памятников предыдущего времени. Прежде всего, следует отметить некоторые погребения Борисовского могильника близ Геленджика, который был исследован В.В. Сахановым около ста лет назад и им же был датирован на основе нумизматического материала как V–VII вв., так и IX в. [Саханов, 1914, с. 75–219].

Для данного некрополя была характерна поливариантность погребального обряда. В.В. Саханов выделил на могильнике три группы погребений, различных по хронологии и особенностям погребального обряда. Первую и вторую группы исследователь датировал VI–VII вв. и более поздним периодом. Подавляющее большинство этих захоронений были совершены по обряду ингумации в каменных ящиках или в некоторых случаях в простых грунтовых ямах. Ориентация погребенных была различной. Кроме того, в 128 могилах этих групп были встречены и синхронные грунтовым захоронениям семь кремаций, совершенных на стороне, но помещенных в 6 случаях в каменные ящики и один раз в грунтовую яму [Саханов, 1914, с. 75–219].

Третью же группу на Борисовском могильнике представляли более поздние захоронения, для которых был характерен обряд кремации. Всего же в третьей части могильника было вскрыто 70 погребений, среди которых 45 кремаций в каменных ящиках и 10 грунтовых кремаций, 7 тайников с вещами, 7 погребений в каменных ящиках и одно погребение в деревянном гробу. В.В. Саханов соотнес в первой, второй и третьей группах ингумационные погребения в каменных ящиках и грунтовых ямах с зихами, а кремационные захоронения в каменных ящиках связал с крымскими готами. Что же касается остальных захоронений третьей группы, то исследователь не решился дать им этническую атрибуцию [Саханов, 1914, с. 75–219].

К сожалению, до сих пор для исследователей является загадкой происхождение “10 грунтовых ям с сожженными костями (№№ 80, 94, 97, 105, 109–111, 131–133), 7 случаев погребения одних вещей в грунтовой яме (№№ С, 92а, 116, 134, 141, 143 и 144)”. Инвентарь (рис. 1), обнаруженный в этой группе погребений, резко отличает их от других групп захоронений Борисовского могильника. Здесь были обнаружены сабли (погр. №№ 144, 134, 144),

наконечники стрел (погр. № 134), стремена (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134), железные серпы (погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) и т. п. На основании этих находок В. В. Саханов пришел к выводу, что инвентарь из отмеченной группы захоронений имеет прямые аналогии с Верхнесалтовским могильником, и датировал третью часть Борисовского могильника IX веком [Саханов, 1914, с. 75–219].

Однако картина была бы не полной без упоминания могильника Дюрсо, расположенного близ Новороссийска. Как и Борисовский, могильник Дюрсо является биритуальным: здесь представлены более ранние трупоположения в грунтовых ямах и более поздние трупосожжения. Для нас особый интерес представляют последние, которых было 173, и они располагались двумя компактными группами в западной и юго-западной частях могильника (рис. 2). Кремации могильника Дюрсо представляют небольшие кучи пережженных костей, рядом с которыми были сложены предметы, которые несут следы пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Рядом с захоронениями ставились сосуды (кувшины, кружки) из красной и серой глины (рис. 3, 1–4). Особо интересен инвентарь могильника, представленный металлическими серьгами, браслетами, оружием (наконечники стрел, наконечники копий, боевые топоры, сабли, кинжал, кистень, ножи), снаряжением коня (рис. 4, 1–7), орудиями труда (складные серпы, рабочие топоры, пилы и напильники, пряслица) и т. п. Исследователь могильника А.В. Дмитриев на основе анализа инвентаря продатировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII–IX вв. [Дмитриев, 2003, с. 200–205].

Как отметил А.В. Дмитриев, кремационный раннесредневековый могильник Дюрсо – не единственный на Северо-Западном Кавказе [Дмитриев, 2003, с. 205]. Анализируя ситуацию в Северо-Западном Причерноморье, А.В. Пьянков пришел к следующим выводам: “В VIII в. происходит частичная смена населения, отразившаяся в распространении в отдельных районах нового погребального обряда. На анапско-гелендижском побережье в Западном Закубанье, вплоть до устья реки Псекупс, выявлено 20 могильников с кремациями второй половины VIII – IX веков. Эти могильники занимают компактную территорию. Ее северной границей служила река Кубань, южной – северные склоны Кавказского хребта, западной – берег Черного моря, а восточной – река Псекупс (рис. 5). Кремации, распространившиеся в регионе, резко отличаются по основным деталям обряда от предыдущих и не связаны с ними происхождением. Для второй группы сожжений присущи такие черты погребального обряда, как сожжение инвентаря вместе с покойником, обязательная ритуальная порча инвентаря, устройство небольших и неглубоких могильных ям, помещение инвентаря в тайничках и отдельных ямках, присутствие в погребениях большого

количества оружия и деталей снаряжения боевого коня и т. д. Для этой группы кремаций не характерны захоронения лошадей” [Пьянков, 2001, с. 204].

Исследователей кремационных могильников Северо-Западного Кавказа сразу же заинтересовали вопросы, связанные с происхождением населения, оставившего их. Ибо своим обрядом они никак не походили на соседние ингумационные захоронения предшествующего и хазарского времени. Поэтому эти ученые довольно быстро нашли им аналогии уже среди памятников салтовской культуры. Так, А.В. Дмитриев отметил: “Могильники четвертого периода Дюрсо с таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце ... и в Предкавказье – у аула Казазово, станицы Молдаванской и др. ... Причем часто их сходство можно считать абсолютным” [Дмитриев, 2003, с. 200–205].

А.В. Пьянков также отметил, что “сожжения типа Дюрсо по материальному облику близки кругу салтово-маяцких древностей, и находят многочисленные аналогии погребальному обряду и инвентарю в материалах синхронных им могильников бассейна Северского Донца (кремации типа Новопокровки)” [Пьянков, 2001, с. 205]. Еще в 1996 г. А.В. Пьянков и А.В. Тарабанов эти сходства на кремационных могильниках бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа объясняли “общностью происхождения” населения, их оставившего. Что же касается некоторых отличий, то упомянутые исследователи объяснили это “проживанием племен – носителей кремационного обряда, после расселения, в различном этнокультурном окружении” [Пьянков, Тарабанов, 1996, с. 64].

Относительно же этнической атрибуции обитателей Дюрсо в хазарское время среди исследователей были высказаны различные мнения. Так, Е.П. Алексеева считала, что все погребения III–XIII вв. Северо-Западного Кавказа, совершенные по кремационному обряду, были оставлены протоабазинскими племенами. Исследователь объясняла появление кубано-черноморских кремаций переселением отдельных групп носителей цебельдинской культуры, существовавшей на территории Абхазии во II–VII вв. н. э. По мнению исследователя, ее оставили предки абазин [Алексеева, 1980, с. 36]. Получается, что обряд трупосожжения возник на Северо-Западном Кавказе самостоятельно и имел местные корни, т. е. являлся новацией. Может быть, это и дало основания Г.Е. Афанасьеву связать появление кремационных захоронений в бассейне Северского Донца в хазарское время с переселением сюда с Кавказа абхазо-адыгского населения [Афанасьев, 2001, с. 53].

Кроме того, в последние десятилетия очень популярным стало предположение А.В. Пьянкова о “касожском” происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе. Основанием для этого стали сведения средневековых авторов о проживании в данном районе в первой половине X в. касогов. Несмотря на это, А.В. Пьянков считал кремационные захоронения хазарского времени инновацией. Вывод исследователя по этому поводу был

следующий: “Кремации типа Дюрсо не имеют корней на Северо-Западном Кавказе в предшествующий период и их носители не могут быть признаны автохтонным кавказским народом”. При этом исследователь так и не мог определить, кто же были по этнической принадлежности эти пришельцы [Пьянков, 2001, с. 204–205].

По этому поводу существуют и другие мнения. Так, А.В. Дмитриевым была высказана, и не без оснований, довольно интересная гипотеза относительно центральноазиатского происхождения населения, оставившего могильники в Дюрсо и Сухой Гомольше. Исследователь отметил, что цепь подобных погребений тянется на восток, до Алтая и Минусинской котловины, где подобные памятники увязываются с некоторыми группами населения Южной Сибири (тюрками, хакасами, енисейскими кыргызами). Ситуацию он представляет следующим образом: “В середине VIII века в связи с завоеваниями арабов и уйгуров в Южной Сибири складывается напряженная военно-политическая обстановка. Возможно, какая-то тюркоязычная группа, хоронившая умерших по обряду трупосожжения, в это время переместилась в пределы Хазарского каганата и на какое-то время осела на Харьковщине. Вторая группа откочевала на Северо-Западный Кавказ, где их памятники открыты в основном в районе Новороссийска (в Дюрсо эту культуру мы видим еще в сравнительно чистом виде). В Борисовском могильнике наряду с трупосожжениями в ямках уже хорошо прослеживается смешение местной традиции (захоронения в каменных ящиках) и пришлого обряда (трупосожжения). Позже в эти края приходит новая волна кочевников, оставившая трупосожжения в урнах под небольшими курганами, часто с захоронением коней” [Дмитриев, 2009]. Таким образом, А.В. Дмитриев появление трупосожжений на Северо-Западном Кавказе связывал с пришлым населением, т. е. в данном случае предлагалось в обряде кремации видеть инновацию. Однако в данной ситуации возникают определенные сомнения относительно миграции тюркоязычного населения из Центральной Азии именно в середине VIII в.

Чтобы разобраться в проблеме, необходимо обратиться к сравнительному анализу материалов как из синхронных, так и более ранних могильников Северного Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии.

Как уже отмечалось, очень близкими кремационным захоронениям Северо-Западного Кавказа являются кремационные могильники хазарского времени в бассейне Северского Донца. Наиболее знаменитым из них является могильник, входящий в состав комплекса, вблизи с. Сухая Гомольша, открытый и исследованный В. К. Михеевым. Исследователь могильника В.К. Михеев отметил, что могильник находился возле городища и селища салтовской культуры у с. Сухая Гомольша и, следовательно, был оставлен обитателями этих поселений. Могильник находился на слегка покатом склоне глубокой балки и был окружен рвом. За ограничительным рвом было обнаружено место, где

кремировались умершие, – оно представляло собой “зольник” серповидной формы. Характерной особенностью могильника Сухая Гомольша, которая отличает его от других погребальных комплексов салтовской культуры, является малоизвестный для памятников хазарского времени обряд трупосожжения на стороне. Кроме захоронений, на могильнике было обнаружено 17 поминальных комплексов вещей в так называемых “тайничках”. По способу захоронения остатков кремации все захоронения были разделены на урновые (138) и безурновые (179). Захоронения этих двух типов располагались на территории могильника без определенной закономерности. Безурновые захоронения, которые численно преобладали на могильнике, были совершены в ямах круглой, эллипсовидной, прямоугольной с закругленными углами формы (рис. 3, 5–9). В зависимости от площади могильной ямы и количества остатков кремации безурновые захоронения были разделены исследователями на четыре вида. Что же касается урновых захоронений, то в зависимости от положения урны (поставлена вверх дном над остатками кремации или остатки помещены в саму урну), наличия подстилки или крышки и т. п. разделены на восемь видов. На площади могильника удалось проследить участки с высокой плотностью захоронений и пустые участки без погребений. В результате этого В.К. Михеев выделил на могильнике шесть территориальных групп – I – северную, II – западную, III – юго-западную, IV – центральную, V – восточную, VI – южную. На основании этого исследователи могильника отметили, что существование разных погребальных традиций у населения, оставившего данный могильник, “может являться свидетельством сложности этнокультурной структуры сухогомольшанской общины” [Аксенов, Михеев, 2006, с. 72–92; Михеев, 1986, с. 158–173].

Найденный на могильнике инвентарь также представляет немалый интерес. Исследователи памятника обратили особое внимание на большое количество сельскохозяйственных и ремесленных орудий. Так, здесь были обнаружены железные ножи, серпы, косы, тесла-мотыжки, хозяйственные топоры, долото, ручные резцы, пружинные ножницы, котлы. Были обнаружены также пряслица из глины и свинца, игольники из кости или бронзы, костяная горловина бурдюка и т.п. Все эти находки позволяют говорить, что во второй половине VIII – IX в. население Сухой Гомольши вело оседлый образ жизни и занималось как земледелием, так и ремеслами. Однако скотоводческие и военные традиции в сухогомольшанской общине были довольно сильны. Об этом может свидетельствовать другая группа находок. Так, на могильнике были найдены предметы конского снаряжения (рис. 4, 8–11): удила, соединители ремней оголовья, фигурные подвески к конскому оголовью, бронзовый конский начельник, сбруйные пряжки, железные оковки лук для седел, сбруйные соединители, стремяна, украшения ремней конской сбруи и т. п. Найденное при конском снаряжении оружие также может свидетельствовать, что обитатели Сухой Гомольши принадлежали к наиболее привилегированному в Хазарском

каганате роду войск – кавалерии. На могильнике были найдены в значительном количестве сабли, топоры-чеканы, наконечники копий, обушки от кистеней, разнообразные по форме наконечники стрел, металлические детали колчанов, костяные накладки от луков. В результате, создается впечатление, что несение воинской службы было одной из основных функций мужского населения Сухой Гомольши. К тому же, найденные здесь предметы одежды и украшения (бронзовые пуговицы, бубенчики, железные фибулы, фрагменты цепочек, поясные пряжки и бляшки, поясные разделители, подвески-обереги, “туалетные” коробочки, серьги, пронизи, разнообразные бусы, перстни, браслеты), а также предметы туалета (зеркала, копоушки, пинцеты, туалетная ложечка) могут свидетельствовать о том, что население Сухой Гомольши в хазарское время было отнюдь не бедным. Обнаруженная на месте захоронений керамика была представлена несколькими видами: кухонная керамика пяти типов, подправленная на гончарном круге; тарная керамика в виде амфор причерноморского типа; кухонные горшки кочевнического облика. При этом исследователи могильника обратили внимание, что изготовленные на гончарном круге горшки относились к керамике салтовского типа. На основании анализа вещевого материала и стратиграфии могильника исследователи датировали локальные группы могильника следующим образом: I – середина VIII – середина IX вв.; II – вторая половина VIII вв.; III – VIII – начало IX вв.; IV – вторая половина VIII вв.; V – конец VIII – середина IX вв.; VI – середина – третья четверть IX вв. [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. Если охарактеризовать жителей Сухой Гомольши как население или с давними земледельческими традициями, или как недавно осевших кочевников, то предпочтение, скорее всего, придется отдать последнему предположению.

Исследователи уже давно обратили внимание, что в бассейне Северского Донца и на сопредельных территориях были выявлены кремационные могильники хазарского времени, аналогичные Сухогомольшанскому. Так, еще в 1936 г. И.Ф. Левицким возле с. Новая Покровка на левом берегу р. Уды, правом притоке Северского Донца, был открыт и частично исследован кремационный могильник (14 захоронений). Исследование могильника продолжил в 1949 г. Ю.В. Кухаренко, которому удалось исследовать шесть погребений по обряду трупосожжения и два “тайника” с предметами вооружения и конского снаряжения [Кухаренко, 1952]. Ю.В. Кухаренко сразу же связал новопокровские захоронения с комплексом у с. Тополи под Харьковом, обнаруженным еще в XIX в. [Кухаренко, 1951, с. 105]. Аналогичный Сухогомольшанскому кремационному могильнику погребальный комплекс в 1977 г. был также обнаружен в пойме р. Большая Бабка (правом притоке Северского Донца) возле с. Пятницкое [Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1978, с. 34; Шрамко, 1983]. В.К. Михеев пришел к выводу, что “могильник у с. Пятницкое является двуобрядовым” [Михеев, 1985, с. 11]. Такой же биритуальный могильник салтовской культуры В.К. Михеев

обнаружил и исследовал в 80–90-е гг. XX в. возле с. Красная Горка Балаклеяского р-на Харьковской обл. В течение нескольких сезонов было обнаружено и исследовано 310 погребений, из которых 121 был совершен по обряду трупосожжения и 189 – по обряду трупоположения [Михеев, 1991]. К этому следует добавить, что в бассейне Северского Донца на территории Дмитриевского катакомбного могильника, на его южной и юго-восточной окраине, было обнаружено девять погребений, совершенных по обряду трупосожжения. По наблюдениям исследователя памятника С.А. Плетневой, эти захоронения не относились к дохазарскому времени и были не только синхронны катакомбам IX в., но одно захоронение даже перерезало дромос одной из катакомб, т.е. являлось более поздним. Тем не менее, С.А. Плетнева отнесла эти кремации к более ранней, чем салтовская, пеньковской культуре, несмотря на то, что только два горшка биконической формы из этих кремационных захоронений (№№ 1, 5) действительно напоминали пеньковскую посуду [Плетнева, 1972; Плетнева, 1989, с. 259]. Таким образом, нет сомнений в том, что кремационные могильники типа Дюрсо на Северо-Западном Кавказе и Сухая Гомольша на Северском Донце оставили близкие по культурным традициям группы населения.

Если это так, то почему бы не предположить, что в хазарское время на Северо-Западный Кавказ могли переселиться с берегов Северского Донца носители кремационного обряда. Именно находки трупосожжений салтовской культуры, эталонными для которых являются захоронения из Сухой Гомольши, на территории, где в предхазарский период имели распространение памятники пеньковской культуры, заставили несколько десятилетий назад некоторых исследователей считать Сухогомольшанский комплекс славянским. Этому способствовали распространение также трупосожжений среди носителей пеньковской культуры и близость земель, населенных в хазарское время славянскими племенами. Версии о славянской принадлежности салтовских кремаций в бассейне Северского Донца в свое время придерживались Г.Е. Афанасьев, В.К. Михеев, С.А. Плетнева и некоторые другие исследователи [Афанасьев, 1987, с. 153; Михеев, 1991, с. 44; Плетнева, 1972, с. 108–118]. Необходимо отметить, что в 1977 г. В.К. Михеев исследовал вблизи с. Сухая Гомольша также поселение пеньковской культуры. Особый интерес представляют выводы В.К. Михеева и О.М. Приходнюка в совместной статье, посвященной данному памятнику. В частности, исследователи отметили: “... слід констатувати відсутність слідів контактів між пеньківським і салтівським населенням. Незважаючи на те, що на поселенні Суха Гомольша існує салтівський культурний шар та розкопано об’єкти цієї культури, салтівська кераміка практично відсутня в пеньківських спорудах. Поодинокі салтівські черепки трапляються лише в верхніх шарах заповнень (житло № 4, яма № 41). Цей факт свідчить про різночасовість пеньківського і салтівського поселень із Сухой Гомольші” [Михеев, Приходнюк, 1986, с. 81]. Таким образом, нет оснований говорить о

связи обитателей Сухой Гомольши, а значит, и Дюрсо, с пеньковским населением предхазарского времени.

Однако возможен и предложенный вариант Е.П. Алексеевой, согласно которому, обряд кремации имеет местные кавказские корни [Алексеева, 1980, с. 36]. Если следовать логике исследователя, то получается, что обряд кремации появился, независимо от внешних и факторов на Западном Кавказе и в хазарское время, благодаря миграции абхазо-адыгского населения, получил распространение в бассейне Северского Донца. Подтверждают ли данные археологии эту гипотезу?

По мнению Е.П. Алексеевой, на территории Абхазии с X в. до н.э. до VI вв. н.э. бытовал погребальный обряд кремирования умерших на стороне, с последующим захоронением праха в урнах или без них в грунтовых ямах. Этот обряд аналогичен кремациям Северо-Западного Кавказа V–XIV вв. Предки абазин, с которыми Е.П. Алексеева связывает цебельдинскую археологическую культуру, с V в. н. э. проникали небольшими группами в среду зихов Причерноморья, а с VII–VIII вв. и в Закубанье. В качестве доказательства абазинского происхождения кубано-черноморских кремаций приведены следующие аргументы: во-первых, сходен сам погребальный обряд двух регионов; во-вторых, отдельные категории погребального инвентаря из цебельдинских некрополей находят аналогии в инвентаре кремационных погребений Северо-Западного Кавказа V–VII вв. (мечи и крестовидные фибулы, умбоны для щитов), в погребениях VIII–IX вв. (наконечники копий), в погребениях X–XIV вв. (умбоны от щитов, керамические урны, ножницы, вилки для извлечения мяса из котлов) [Алексеева, 1970, с. 325, 326; Алексеева, 1980, с. 51, таб. 1–3]. В окончательном варианте Е.П. Алексеева “абазинскую” гипотезу представила следующим образом: “... искать истоки кремационного обряда погребения средневековых могильников Северо-Западного Кавказа нужно не на Днепре у славян и не у тюрков в Средней Азии и в Сибири, а гораздо ближе, в соседней Абхазии. В качестве рабочей гипотезы мы предложили средневековые кремационные погребения Северо-Западного Кавказа считать оставленными предками абазин и самими абазинами, коль скоро обряд трупосожения в древности для местного населения Северо-Западного Кавказа был чужд, а в Абхазии у предков абхазов и абазин он существовал с I тыс. до н. э.” [Алексеева, 1980, с. 36].

Кажется, что слабость “абазинской” гипотезы удачно показал А.В. Пьянков, который отметил, что “кремационные погребения III–XIII вв. из рассматриваемого региона различаются по основным чертам погребального обряда”. К этим различиям он отнес следующие: “погребения совершаются в узких или широких грунтовых ямах и в каменных ящиках”; а не небольшие кучи пережженных костей в небольших и неглубоких могильных ямах на кремационных могильниках более позднего времени; “обычно вещи не сжигались вместе с умершими, а укладывались в могилы целыми”; в то время, как на могильниках

хазарского времени предметы несут следы пребывания в огне; ранним трупосожжениям “практически не знакомы ритуальная порча предметов, устройство тайничков”; что можем наблюдать на могильниках Борисовском и Дюрсо; “количество оружия в погребениях к VII веку заметно сокращается”; и известны захоронения коня вместе с умершими при почти полном отсутствии снаряжения коня, в то время, как на могильниках более позднего времени отмечено “присутствие в погребениях большого количества оружия и деталей снаряжения боевого коня” и т. п. [Пьянков, 2001, с. 203–204]. По наблюдениям А.В. Пьянкова, в могильниках III–VII вв. Кубано-Черноморского региона известно чуть больше 20 кремационных погребений, в которых решительно преобладают безурновые кремации (95%). А в цебельдинских могильниках кремации в урнах составляют около 18% от всех погребений. Безурновая кремация там встречена лишь однажды. Кремирование умерших у цебельдинцев прекращается в конце VI или в начале VII вв. В результате, А.В. Пьянков пришел к выводу, что массовое распространение кремаций на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII – XIII вв. не связано с цебельдинской археологической культурой [Пьянков]. Таким образом, А.В. Пьянков, как и А.В. Дмитриев, склонен был видеть в кремационных захоронениях VIII–X вв. на Северо-Западном Кавказе инновацию, появившуюся здесь вместе с пришлым населением.

Последнее мнение более убедительно. Однако так и не ясно происхождение носителей кремационного обряда хазарского времени. Поэтому особый интерес могут представлять находки на кремационных могильниках как Северо-Западного Кавказа, так и Северского Донца. Так, инвентарь, обнаруженный в третьей группе погребений Борисовского могильника, был отличен от находок предшествующего времени. Здесь были обнаружены сабли (погр. №№ 144, 134, 144), наконечники стрел (погр. № 134), стремяна (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144) (рис. 1, 1), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134) и т. п. погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) (рис. 1, 2) и т. п. [Саханов, 1914, с. 75–219]. Аналогичную ситуацию наблюдаем и на могильнике Дюрсо. Там также, кроме ремесленных орудий и украшений, были обнаружены наконечники стрел, наконечники копий, боевые топоры, сабли, кинжал, кистень, ножи, а также стремяна, украшения ремней конской сбруи (рис. 4, 1–7) и т. п. [Дмитриев 2003, с. 200–205]. Аналогичные вещи были обнаружены и в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше. Так, на могильнике были найдены предметы конского снаряжения (рис. 4, 8–11): удила, соединители ремней оголовья, фигурные подвески к конскому оголовью, бронзовый конский начельник, сбруйные пряжки, железные оковки лук для седел, сбруйные соединители, стремяна, украшения ремней конской сбруи и т. п. На могильнике были найдены в значительном количестве сабли, топоры-чеканы, наконечники копий, обушки от кистеней, разнообразные по форме наконечники стрел, металлические детали колчанов,

костяные накладки от луков [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. В результате создается впечатление, что население как на Северо-Западном Кавказе (Борисово, Дюрсо), так и в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше было связано с военной службой в кавалерии, т. е. имело непосредственное отношение к степной жизни.

Именно поэтому понятно стремление исследователей связать происхождение кремационных могильников хазарского времени с кочевыми народами степи. Из этих этнических групп наиболее загадочными считаются угры, в то же время, как происхождение носителей кремационного обряда салтовской культуры также является одной из наибольших проблем хазарской археологии. Именно поэтому в свое время А.В. Дмитриев и А.В. Тарабанов высказались в пользу того, что носители кремаций салтовского типа как на Кубани, так и на Северском Донце могли иметь и угорское происхождение [Дмитриев, 1978, с. 49; Тарабанов, 1994, с.58, 59]. По-видимому, они следовали гипотезе В.К. Михеева об угорском происхождении сухогомольшанского населения. Эта гипотеза была более детально представлена в монографии В.К. Михеева и В.С. Аксенова, посвященной Сухогомольшанскому комплексу. По этому поводу В.К. Михеев, в частности, отметил: “В связи с тем, что, как часть сакрализованного комплекса личных украшений и оберегов женского костюма, шумящие коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена, они свидетельствуют о возможном присутствии в составе сухогомольшанской общины представительниц угорского этноса... Вероятно, с угорским этносом следует связывать не только кремации, содержащие коньковые шумящие подвески, а и захоронения в ямах, ориентированных по линии Север – Юг. Именно такая ориентировка могильных ям характерна для финно-угорского населения Поволжья. Для этого же населения свойственно использование и таких специфических изделий как сюлгамы, одна из которых обнаружена в погребении № 272 могильника Сухая Гомольша” [Аксенов, Михеев, 2006, с. 182–183]. Однако данная гипотеза В.К. Михеева не получила широкой поддержки у исследователей, потому что ближайшие аналогии Сухогомольшанского могильнику были найдены на территориях, значительно удаленных от проживания основного массива финно-угров. Вопрос в том, насколько был распространен у финно-угров обряд кремации? Кроме того, совпадения лишь некоторых украшений Сухой Гомольши с материалом из Поволжья могут свидетельствовать не об этнических связях, а, скорее всего, о торговом обмене.

Говоря о кочевом происхождении обитателей Сухой Гомольши и Дюрсо, необходимо учитывать три возможных маршрута появления носителей обряда кремации на Северо-Западном Кавказе и в бассейне Северского Донца. Во-первых, носители кремационной традиции могли появиться в начале в бассейне Северского Донца, а оттуда переселиться на Северо-Западный Кавказ. Во-вторых, носители данной традиции могли сначала появиться на Кавказе,

а оттуда продвинуться на северо-запад в район Сухой Гомольши. В-третьих, носители кремационного обряда могли одновременно заселить и земли Прикубанья, и бассейн Северского Донца, т. е. прийти из какого-то третьего места.

Как уже отмечалось, А.В. Дмитриев и А.В. Пьянков датировали самые ранние кремационные захоронения салтовского типа на Северо-Западном Кавказе второй половиной VIII в., а В.К. Михеев самые ранние захоронения Сухой Гомольши также отнес ко второй половине VIII в. Выходит, что наиболее вероятен третий вариант, согласно которому в бассейнах Северского Донца и Кубани носители кремационного обряда появились одновременно, т.е. пришли из третьего, неизвестного нам региона. Однако если датировка наиболее ранних комплексов может оказаться неверной? Тем не менее, имеет смысл попытаться найти более близкие в территориальном и хронологическом аспектах памятники, имеющие отношение к кремационным погребениям типа Дюрсо и Сухая Гомольша.

Так, особый интерес представляет богатый комплекс, исследованный В.А. Гринченко несколько десятилетий назад в степном Поднепровье возле с. Вознесенка, где, по его мнению, были обнаружены кремационные захоронения. По наблюдениям исследователя, в центре комплекса находился замкнутый каменный вал в виде прямоугольника (82x51 м) с закругленной одной из меньших сторон. При раскопках площади внутри вала было обнаружено большое количество железных, бронзовых, серебряных и золотых вещей (наконечники стрел, стремена, удила, пряжки, бляшки, накладки на оружие, литые изображения орла и льва и др.), сложенные в кучу и проткнутые тремя саблями. Как отметил В. А. Гринченко, большинство из обнаруженных вещей несут на себе следы пребывания в огне. Все это дало основание автору раскопок рассматривать эту яму со сложенными вещами как погребение через трупосожжение, произведенное на стороне, а всю территорию каменного сооружения – как место стоянки военного лагеря. На мысль о трупосожжении В. А. Гринченко натолкнули не только следы огня на предметах, но и остатки кремаций. Так, в ямах квадратов №№ 61 и 62 были обнаружены фрагменты обгоревших мелких костей, а на восточном вале в квадратах №№ 42 и 43 были обнаружены следы большого костра. Все это дало основание исследователю считать, что после сожжения умершего с сопровождающими вещами, “материал погребения, следует полагать, был разделен на две части: ценности и вещи были размещены в яму квадрата № 59; кости, а возможно, также и вещи, в яму квадратов № 61, 62”. Кроме того, на территории данного комплекса были обнаружены и несколько погребений по обряду ингумации: одно под камнями западного вала, а другое – на расстоянии 25–30 м на запад от каменного сооружения в подбое [Гринченко, 1950, с. 37–63]. Однако А.И. Айбабин считает, что на Вознесенском комплексе были обнаружены не захоронения людей по обряду кремации. По его мнению, западнее от ямы с четырьмя слоями “побывавших в огне вещей” была

“расчищена другая яма (1,25x1 м, глубиной до 1, 63 м), заполненная десятью слоями взятых из кольца камней, перемешанных с обгорелыми костями лошадей, стрелами, керамикой и кусками обожженной глины” [Айбабин, 2009, с. 79]. Следовательно, остается под вопросом существование обряда кремации на Вознесенском комплексе.

Относительно происхождения и назначения Вознесенского комплекса среди исследователей существуют различные мнения. Среди них наибольший интерес представляет предположение А.К. Амброза и А. И. Айбабина. По их наблюдениям, подобный огражденный ров и глинобитной стеной поминальный комплекс в 732 г. построили в Монголии в честь второго лица во Втором Тюркском каганате [Амброз, 1981, с. 20; Айбабин, 1999, с. 178–179].

Немалый интерес также представляет обнаруженный и исследованный несколько десятилетий назад комплекс возле с. Глодоссы на Кировоградской области, где были обнаружены остатки трупосожжения и сопровождающий инвентарь, представленный как снаряжением воина-мужчины, так и вещами женщины. Исследователь памятника А.Т. Смиленко определила, что кальцинированные кости в погребальной яме были сложены в две кучи, что дало ей основания говорить о погребении военачальника и его жены [Смиленко, 1965]. Найденный инвентарь позволил исследователям датировать Глодосский комплекс как концом VII – началом VIII вв. [Смиленко, 1965, с. 49; Амброз, 1982, с. 220], так и серединой VII в. [Залеская, Львова, Маршак и др., 1997, с. 98]. Относительно же этнической принадлежности комплекса из Глодосс у исследователей не выработалось единого мнения, хотя многие согласны с тем, что памятники из Глодосс и Вознесенки были оставлены одной и той же группой населения [Приходнюк, 2001, с.41].

Несмотря на это, современные исследователи объединяют Вознесенский, Глодосский, а также богатые комплексы и ингумационные погребения конца VII – начала VIII вв., обнаруженные возле Перещепино, Келегей, Новых Санжар, Ясиново, Новогригорьевки, Раздольного, Васильевки, Суханова и т.п., в одну культуру, но при этом дают несколько различающуюся этническую атрибуцию этих памятников. Так, О.М. Приходнюк связывал все эти комплексы, за исключением Вознесенки и Глодосс, с протоболгарами. Что же касается Вознесенского и Глодосского комплексов, то исследователь не решился дать им этническое определение [Приходнюк, 2001, с. 41]. Однако А.И. Айбабин не согласен с подобной трактовкой и считает, что все эти памятники были оставлены хазарами, носителями так называемой “перещепинской культуры” [Айбабин, 1999, с. 185]. Исследователь считает: “Вероятно, в последней трети VII – первые десятилетия VIII вв. хазары хоронили в степях Поднепровья своих каганов. В этот период именно там они создали погребально-культовые комплексы кремированных правителей каганата” [Айбабин, 2009, с. 81–82].

Как уже отмечалось, из числа наиболее богатых комплексов “перещепинской” культуры лишь Глодосский комплекс содержал явные кремационные захоронения. По словам А.И. Айбабина, погребальное сооружение у Глодос “по конструкции и обряду аналогично описанным в китайских хрониках погребально-культурным комплексам тюрков-тугю... Они с древности сжигали умерших вместе с принадлежавшими им при жизни вещами и верховыми конями” [Айбабин, 2009, с. 79].

Действительно, в “Тань-шу” о погребальном обряде тюрков мы читаем следующее: “Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слёзы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определённое время года в могилу. Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего весной или летом хоронят, когда цветы начинают развёртываться (речь идёт о погребении остатков кремации. – О. Б.). В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезывают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах” [Бичурин, 1950, с. 230]. По данным китайских хроник, обряд трупосожжения стал вытесняться обрядом трупоположения в первой трети VII в. Смена погребального обряда послужила даже предметом весьма резкой дипломатической переписки, когда китайский император обвинил тюркского кагана Хейли в отходе от обычаев предков [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 200–201]. Последний засвидетельствованный в хрониках факт погребения по обряду трупосожжения относится к 634 г. Об этом “Тань-шу” сообщает следующее: “... В восьмое лето, 634, Хейли умер. По смерти пожалован княжеским достоинством и именем Хуан. Указано вельможам похоронить его. Труп Хейлиев, по кочевому обычаю, сожжен. Могила его насыпана по восточную сторону реки Ба” [Бичурин, 1950, с. 250]. Таким образом, данная информация дает основания считать, что обряд трупосожжения имел распространение у восточных тюрков-тугю именно в племени кагана, который принадлежал к правящей династии Ашина. [Бичурин, 1950, с. 230].

Однако имеется ли археологическое подтверждение существования у древних тюрков обряда кремации? Упоминания об этом нет, например, в работах

Л.Р. Кызласова [Кызласов, 1958; с. 41–72; Кызласов, 1969]. Относительно этого Д.Т. Савинов сделал весьма пессимистический вывод: “Ни одного археологического памятника, полностью соответствующего этому описанию, ни в Южной Сибири, ни в Центральной Азии до сих пор не обнаружено.” Исследователь объяснял это несколькими причинами: “1) погребения тюрков-тугю в Центральной Азии и Южной Сибири еще не открыты; 2) компилятивный характер самого источника, в котором разновременные сведения собраны в едином описании погребально-поминального цикла; 3) древнетюркская погребальная обрядность в том виде, как она зафиксирована письменными источниками, сложилась на основе различных компонентов, представленных в археологических памятниках предшествующего времени.” По наблюдением исследователя, кочевники древнетюркского времени предпочитали обряд ингумации, а не кремации. Однако Д.Т. Савинов вынужден был отметить, что “описание погребального обряда древних тюрков письменных источников в наибольшей степени соответствует памятникам таштыкской культуры Минусинской котловины”, которая на заключительном этапе была синхронна “периоду Первого Тюркского каганата” [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 198–201].

Относительно обряда кремации у древних тюрков еще более 40 лет назад А.В. Грач в своей специальной статье отметил, что археологические исследования, проведенные тогда на территории Тувы – высокогорной области, являвшейся в древности одним из основных регионов древнетюркских государств, выявили не известные ранее группы тюркских памятников – погребения с трупосожжением, сочетавшиеся с поминальными комплексами. По его наблюдениям, группы эти территориально весьма удалены друг от друга: одна из них находится на границе котловины Великих Озер Монголии, у южных склонов хребта Танну-Ола, другая – вблизи отрогов Шапшальского хребта, в верховьях р. Хемчик. Группа состоит из двух примыкающих друг к другу оград, внутри которых установлены стелы (на стелах – древнетюркские изображения и знаки енисейского письма), и четырёх кольцевых выкладок. Исследования позволили обнаружить возле оград четыре идентичные кольцевые выкладки из камней, где в центре каждой из выкладок были выявлены ямки глубиной 0,10–0,50 м от горизонта, заполненные золой, в которой обнаружены обломки кальцинированных костей человека. Во всех случаях ямки были перекрыты каменными плитками. На стелах были обнаружены тюркские рунические надписи. По наблюдениям А.В. Грача, ближайшей аналогией памятникам группы Хачы-Хову являются разновысокие стелы в смежных оградах, обнаруженные на юго-востоке Тувы – в высокогорном сумоне Моген-Бурен, и в Монголии – в районе озера Баян-Нур, а также комплекс, раскопанный А.В. Грачом в долине р. Хемчик. Основываясь на данных китайских хроник и собственных археологических исследований, А.В. Грач сделал следующий вывод: “... погребения с сожжением, обнаруженные к настоящему времени в Центральной Азии и относящиеся

к древнетюркскому времени, распадаются на две хронологические группы. Первая из этих групп датируется, как уже указывалось, VI – первой половиной VII вв. и включает памятники, оставленные центральноазиатскими тюрками. Вторая группа (кыргызская) датируется временем не ранее 840 г. н. э. и генетически не связана с первой” [Грач, 1968]. Следовательно, в период Первого Тюркского каганата в Центральной Азии были известны трупосожжения, что является подтверждением данных китайских хроник.

К сожалению, А.И. Айбабин, сравнивая погребальное сооружение у Глодосс с описанным в китайских хрониках обрядом трупосожжения у тюрков-тугю, так и не объяснил, с территории какого Тюркского каганата – Западного или Восточного – пришли в степи Северного Причерноморья каганы хазар [Айбабин, 2009, с. 79].

В настоящее время большинство современных исследователей поддерживают гипотезу М.И. Артамонова, согласно которой основателем Хазарского каганата был представитель одной из ветвей западного каганского клана Ашина, а именно “преемник Иби-Шегуй хана, свергнутый с тюркютского престола, но нашедший себе убежище у хазар”. М.И. Артамонов был склонен связывать воцарение каганов в Хазарии с гражданской войной в Западном Тюркском каганате в середине VII в. между племенными союзами дулу и нушиби, где последние поддерживали основателя Хазарского каганата [Артамонов, 1962, с. 170–171].

В связи с этим интерес может представлять описание хазаро-болгарской войны второй половины VII в., которое содержится в Пространной редакции Письма Иосифа: Согласно данным Иосифа, хазары первоначально не смогли из-за своей малочисленности одолеть болгар-“В-н-т-р’ов”; но потом им это удалось, и часть болгар ушла на Дунай [Коковцов, 1932, с. 92]. Это можно объяснить лишь ростом количества племен, вошедших в состав хазарской племенной конфедерации, что могло быть вызвано значительной миграцией населения, где доминировали представители племени западных Ашина. [Артамонов, 1962, с. 170–171]. Следовательно, имеются основания считать, что хазарские каганы переселились в степи Северного Причерноморья с территории Западного Тюркского каганата.

К сожалению, в местах обитания западных тюрков, в степях Средней Азии, трупосожжения так и не были выявлены [Амброс, 1981, с. 10–23]. Именно это и создает серьезные проблемы относительно этнической атрибуции трупосожжений хазарского времени в степях Восточной Европы. К сожалению, византийские историки не оставили нам подробную информацию об обряде погребения кагана западных тюрков. Однако есть одно сообщение, имеющее непосредственное отношение к этому. Так, Менаандр сообщает, что византийский посол Валентин, прибыв в ставку кагана западных тюрков в 576 г., узнал о смерти их правителя Дилзивула. Навстречу вышел его сын Турксанф

и приказал византийцам, согласно существующей среди тюрков традиции, поцарапать ножом свои лица. Те выполнили его приказ. Далее Менандр сообщает, что в один из дней траура к Турксанфу привели четверых пленных “унов” (гуннов. – *О. Б.*) для принесения в жертву с конями в честь его отца. Турксанф повелел пленным перейти в Потусторонний Мир, чтобы передать его отцу весть от тех, кто остался в живых [Менандр, 1860, с. 421–422]. Если сравнить это описание с данными китайских хроник о погребальных традициях тюркок-тугю, то получается, что у Менандра речь идет не о днях смерти и сожжения, а о периоде захоронения останков кагана, что могло иметь место и через несколько месяцев после его смерти и кремации. Следовательно, обряд погребения у главного племени западных тюркютов мог быть таким же, как и у восточных Ашина, т. е. можно говорить о распространении среди них в определенное время обряда трупосожжения. Таким образом, богатые трупосожжения в конце VII – начала VIII вв. появились в степях Северного Причерноморья в результате миграции хазарских каганов с территории Западного Тюркского каганата.

Для нас особый интерес может представлять дальнейшая судьба носителей кремационного обряда. Необходимо отметить, что авторы X в. зафиксировали у хазар обряд ингумации. Однако Мирхонд сохранил легенду, согласно которой в давние времена хазары бросали покойника в огонь под звуки песнопений и барабанов. При этом Мирхонд добавил: “Говорят, что этот обычай остался в тех странах по настоящее время” [Заходер, 1962, с. 150]. Таким образом, есть основания считать, что среди части хазар изначально практиковался обряд кремации, который впоследствии был заменен на обряд ингумации. Из этого следует, что хазары, поселившись в своей новой резиденции – Итиле, со временем отказались от традиции кремирования своих каганов. Однако не ясно, все ли носители традиции кремирования переселились вместе с каганами из степей Северного Причерноморья в район Северо-Западного Прикаспия во время и после арабо-хазарских войн?

В связи с этим интерес представляет то, что А.В. Комар еще несколько лет назад высказался в пользу того, что такие комплексы, как Вознесенка и Глодоссы, имеют отношение к тюркютам, а именно “этническим хазарам” и находят свое продолжение в кремационных погребениях салтовской культуры [Комар 2000]. Однако данная гипотеза имеет слабые места.

Во-первых, отсутствуют промежуточные формы между кремациями першепинской и салтовской культур.

Во-вторых, захоронения типа “глодосских” отличались особым богатством инвентаря и пышностью обряда, а кремации на могильниках Дюрсо и Сухая Гомольша были значительно скромнее.

В-третьих, сам погребальный обряд был явно отличен – помимо захоронений кремированных останков в ямах, например, в Сухой Гомольше встречались захоронения в урнах, под перевернутыми урнами и т. п.

В-четвертых, в Глодоссах мы видим захоронения кочевников, а в Дюрсо и Сухой Гомольше перед нами предстают перешедшие к оседлости кочевники, что явно не вяжется с высоким социальным статусом.

Именно поэтому особый интрес может представлять гипотеза А.В. Дмитриева об обстоятельствах появления кремационных могильников салтовской культуры: “В середине VIII века в связи с завоеваниями арабов и уйгуров в Южной Сибири складывается напряженная военно-политическая обстановка. Возможно, какая-то тюркоязычная группа, хоронившая умерших по обряду трупосожжения, в это время переместилась в пределы Хазарского каганата и на какое-то время осела на Харьковщине. Вторая группа откочевала на Северо-Западный Кавказ, где их памятники открыты в основном в районе Новороссийска...” [Дмитриев, 2009]. Однако и эта гипотеза имеет слабые места.

Во-первых, политическая ситуация в Центральной Азии в середине VIII в. была несколько иной. Следует обратить внимание на последние выводы С.Г. Кляшторного, согласно которым, в 744 г. в Центральной Азии пал Второй Тюркский каганат, что “создало в степи политический вакуум”, который был заполнен лишь в 763 г. созданием Уйгурского каганата [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 110–115]. Таким образом, не было предпосылок для миграции на Запад из Центральной Азии населения, ибо политическая обстановка была спокойной.

Во-вторых, исследователи кремационных могильников хазарского времени на Северо-Западном Кавказе и в бассейне Северского Донца отнесли их (включая материалы из наиболее ранних захоронений середины VIII в.) к памятникам салтовской культуры. Однако мигранты не могут сразу стать носителями местной культуры. Следовательно, носители кремационного обряда до того, как надолго поселиться в бассейнах Кубани и Сев. Донца, должны были, по крайней мере, несколько десятилетий находиться в постоянных контактах с создателями салтовской культуры – аланами и болгарами. Наиболее вероятно объяснение, согласно которому, во время арабо-хазарских войн, в конце VII – начале VIII вв., носители кремационного обряда принимали участие в боевых действиях против арабов, т. е. они могли длительное время быть на Северном Кавказе вблизи Дербентского и Дарьяльского проходов. Таким образом, имеются основания говорить об обитателях Дюрсо и Сухой Гомольши, как об одних из создателей салтовской культуры. А это может означать, что они должны были появиться на землях Хазарского каганата значительно раньше середины VIII в.

Кроме того, можно также объяснить, почему в Сухой Гомольше, помимо захоронений кремированных останков в ямах, встречались захоронения в урнах, под перевернутыми урнами и т. п. По нашим наблюдениям, многие сосуды-урны из Сухой Гомольши и сосуды из кремационных захоронений Дмитриевского могильника салтовской культуры (№№ 2, 3, 4, 7,8) идентичны. При этом почти все они находят аналогии в коллекции лепных сосудов

Пастырского городища, датируемого серединой VII – серединой VIII вв. Это может являться свидетельством того, что в хазарское время в бассейн Северского Донца переселились, или были насильно переселены, выходцы из Среднего Поднепровья [Бубенок, Аксенов, 2009, с. 109–111]. Характерно, что такие урны не встречаются на Северо-Западном Кавказе, т. е. они относятся к числу местных особенностей.

Что же касается того, что захоронения типа “гладосских” отличались особым богатством инвентаря и пышностью обряда от кремаций на могильниках Дюрсо и Сухая Гомольша, то это можно объяснить различным социальным статусом, что предполагает принадлежность к определенным родоплеменным группам кочевого общества.

Касаясь связующего звена между богатыми погребениями перещепинской культуры и захоронениями в Дюрсо, необходимо обратить внимание на наблюдения А.В. Дмитриева о том, что в Дюрсо четвертому, наиболее позднему, периоду предшествовал третий. А.В. Дмитриев охарактеризовал находки этого типа следующим образом: «Беднее всего в могильнике Дюрсо представлен третий период. К нему относится захоронение 248 хазарского воина с мечом и золотыми подвесками... Погребения этого круга хорошо известны. Близкой аналогией является захоронение хазарского воина из Ясиново... В обоих погребениях подобны удила, стремяна, кувшины..., захоронение коня поблизости. Кувшин из Ясинова, подобный найденному в погребении 248, А.И. Айбабин относит к керамике канцирского типа. С гладосским погребением 248 связывает целый круг предметов – наконечники стрел и копья, стремяна... Пуговицы, обтянутые серебряным листом, золотые серьги-подвески и парадный палаш с серебряными деталями ножен и рукояти аналогичны. Они являются знаками отличия военных вождей. Палаш из Дюрсо, хотя он гораздо беднее, позволяет произвести достоверную реконструкцию гладосского меча, о которой ведутся споры. Помимо погребения 248 из Дюрсо следует отметить случайную находку пары золотых серег-подвесок в Цемдолине» [Дмитриев, 2003, с. 205]. Очень важны выводы А.В. Дмитриева относительно происхождения данных захоронений: «Погребения этого круга связывают с хазарами... и датируют концом VII – началом VIII вв. Думаю, что последняя дата больше подходит к погребению 248. К этому времени захоронения второго периода в Дюрсо уже не производятся, хотя несколько погребений (343, 428) с оружием... могли быть совершены, в то же время или даже несколько позже. На протяжении всего VIII в. было совершено только несколько захоронений и связать их можно с перемещением разных этносов в хазарское время» [Дмитриев, 2003, с. 205]. Таким образом, данное заключение не позволяет напрямую связать Гладосское захоронение с кремациями Дюрсо. В данной ситуации не понятно, где появились памятники «перещепинского» типа раньше – в Дюрсо или в Гладоссах? Кроме того, среди погребений третьей группы Дюрсо нет кремаций и к тому же

в период между существованием третьей и четвертой групп, на протяжении нескольких десятилетий VIII в., на могильнике в Дюрсо практически не хоронили умерших. Следовательно, носители обряда кремации должны были появиться в Дюрсо лишь в конце VIII в., т. е. нет оснований говорить о прямой преемственности захоронений третьей и четвертой групп.

Что же касается того, что в богатых захоронениях “глодосского” типа мы видим захоронения кочевников, а в Дюрсо и Сухой Гомольше пред нами предстают перешедшие к оседлости кочевники, то нам известно немало случаев, когда господствующие группы кочевников в силу обстоятельств вынуждены были менять образ жизни. Достаточно вспомнить монголов в Китае или в Афганистане, где по-приказу Чингис-хана поселилась тысяча монгольских воинов, что в результате привело к формированию хазарейцев.

Возможно, аналогичная ситуация возникла и во второй половине VIII в. на западных границах Хазарского каганата. Если посмотреть на карту (рис. 6), то можно заметить, что в хазарское время кремации появились на Северо-Западном Кавказе, как раз возле юго-западных границ Хазарского каганата, т. е. на землях адыгов. Аналогичную ситуацию с кремациями салтовского типа можно отметить и на Северо-Западе Хазарского каганата в бассейне Северского Донца (рис. 6). В свое время А.В. Гадло относительно состава населения, которое проживало вблизи крепостей на западной границе Хазарского каганата, включая С-м-к-р-ц на Таманском полуострове, высказался следующим образом: “...можно полагать, что эти крепости были окружены коренным населением тех областей, в которых они находились, хотя внутри них правительство держало гарнизоны иноплеменных наемников” [Гадло, 1994, с. 28]. Вполне возможно, что к числу этих “наемников” и относились обитатели Дюрсо и Борисово. В данной ситуации следует отметить, что И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков появление в Северо-Восточном Причерноморье кремационных погребальных памятников типа Дюрсо объясняли следующим образом: «К началу собственно “салтовомаяцкого времени” полностью пропадают ингумации в Дюрсо, оформляется структура III группы погребений в Борисово. Все это совпадает с эпохой новых потрясений и изменений среди подвластных хазарам народов на протяжении второй трети VIII в. (пик борьбы с арабским натиском, переселение части алан в лесостепь и др.). По-видимому, и на “зихской” границе каганат проводил “стабилизационные” мероприятия» [Гавритухин, Пьянков, 2001, с. 198–199]. Следовательно, хазарский каган мог переселить одно из племен хазарской орды на юго-западные границы каганата, для контроля ситуации над весьма ненадежными адыгами. То же самое можно сказать и о причинах появления такого же населения на северо-западных границах Хазарского государства, где поселились вассальные кагану аланы и болгары. Очевидно, как это принято в традициях средневековых кочевников, эти две группы близкородственного населения должны были представлять собой правое и левое крыло одного племени.

В сложившейся ситуации имеет смысл поддержать мнение А.В. Пьянкова, согласно которому, появление на Северо-Западном Кавказе кремационных захоронений салтовского типа и возникновение нового этнонима *касоги* – взаимосвязаны [Пьянков, 2001, с. 204–205]. Поэтому имеет смысл обратиться к данным письменных источников.

В свое время Н. Г. Волкова высказала предположение, согласно которому, термин *касог* мог фигурировать в письменных источниках уже в VIII в., как новый обобщающий этноним для всех адыгов [Волкова, 1973, с. 19-20]. Основанием для этого стал фрагмент одного из вариантов христианского агиографического произведения „Хождение Апостола Андрея в стране Мирмодонян”, переписанный в конце VIII в. монахом Епифанием: „По словам святого Епифания, он знал из предания, что блаженный апостол Андрей учил Скифов, *Косогдиан* и Горсинов, в Севастополе Великом, где находится укрепление Ансара и гавань Исса и река Фазис...” [Васильевский, 1909, с. 226]. Однако термин *Косогдианы* не встречается в других редакциях этого агиографического произведения. Так, в дополнениях к этому произведению, связываемых с Софронием, этот отрывок имеет вид: „Андрей, брат его (Петра), как предали нам предки, – проповедовал евангелие Господа нашего Иисуса Христа Скифам и *Согдианам* и Саккам, и проповедовал в Севастополе Великом, где находятся укрепления Ансара и река Фазис...” [Васильевский, 1909, с. 225–226]. Таким образом, видим, что здесь вместо „Косогдианов” упомянуты „Согдианы”. По мнению В.Г. Васильевского, „Саки и Согдианы ... могли быть переводом на ученый язык более популярных и более сказочных терминов наподобие песих голов или чего-то похожего на то” [Васильевский, 1909, с. 262]. Поэтому-то и не ясно, мог ли монах-переписчик Софроний вместо нового для него этнического термина *Косогдианы* использовать общеизвестный книжный этнический термин *Согдианы* для обозначения населения Западного Кавказа? Тем не менее, так и не известно, какой вариант этого этнонима был в первоначальной редакции агиографического произведения „Хождение Апостола Андрея в стране Мирмодонян”. В данной ситуации необходимо обратить внимание на то, что термин *Косогдианы* впервые упомянут на рубеже VIII–IX вв., а появление кремационных захоронений в Прикубанье датируется приблизительно тем же временем – второй половиной VIII в.

Лишь в X в. это новое этническое название получило распространение в исторических и географических произведениях. Так, термин *касах* и название страны *Касахия* фигурируют в произведении Константина Багрянородного “Об управлении империей”: “Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания” [Константин, 1991, с. 173–174]. В первой половине X ст. арабский географ ал-Масуди упоминал рядом с Северным Кавказом народ *кашак* [12, с.190]. Впервые касоги

упомянуты в древнерусских летописях там, где речь идет о походе Святослава против хазар в 965 г. [Ипатьевская, 1843, стб. 246; Воскресенская, 1856, с. 287]. Кроме того, древнерусские летописи сообщают о походе на касогов тмутараканского князя Мстислава в 1022 г. и о взятии дани с касогов тмутараканским князем Ростиславом. Учитывая это, следует считать, что в XII в. касоги проживали близ русского Тмутараканского княжества. Возможно, что в последний раз древнерусские летописи сообщали о касогах под 1223 г., где речь идет о первом походе монгольских полководцев на Северный Кавказ [Воскресенская, 1856, с. 129; Лаврентьевская, 1846, с. 189]. Необходимо отметить, что древнерусские летописцы использовали два варианта этого этнического названия – *касoги* и *кoсоги*, что может лишь свидетельствовать о диалектных расхождениях в древнерусском языке.

Известно, что осетины еще до сих пор называют кабардинцев *каесаег*, *каесгон* [Волкова, 1973, с. 20–21]. Именно осетинское окончание *-аег* данного этнонима дало основания Г.Ф. Турчанинову говорить об аланах как о посредниках в распространении данного этнического термина среди восточных славян [Турчанинов, 1971, с. 75]. Это же можно сказать и о ситуации с этнонимом в среде византийцев, арабов, персов и других народов.

В пользу того, что этноним имел первоначальный вид *кас-*, могут свидетельствовать данные некоторых других письменных источников. Так, в конце X ст. неизвестный фарсыязычный автор трактата „Худуд ал-‘Алам” локализовал близ страны аланов на берегу Черного моря область *Каске* [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 38а]. В Пространной редакции письма хазарского царя Иосифа в непосредственной близости от владений кавказских аланов упомянута „страна Каса” [Коковцов, 1932, с. 92–103]. Плано Карпини в своей “Истории монгалов”, составленной в 40-е гг. XIII в., упомянул среди народов Кавказа и этническую группу *Касы* [Карпини, 1957, с. 72].

Если коснуться вопроса о происхождении этнического названия *кас-ог*, то можно отметить, что в состав данного этнонима входит термин *кас-*, что заставляет вспомнить этнические и социальные названия – *хазар*, *казак*, *казах*, тюркское происхождение которых уже было давно доказано, ибо они, по мнению многих исследователей, происходят от общетюркского *кас (коса)* – “кочевать”. Необходимо также напомнить, что раннесредневековые источники дают нам один из вариантов первоначального названия хазар – *коса* [Артамонов, 1962, с. 114]. В свое время Д. Данлоп в своей монографии, посвященной хазарам, пытался связать центральноазиатский народ *коса* как с ранними хазарами, та и уйгурами: [Dunlop, 1954, chapter 2]. Однако данная гипотеза не получила дальнейшего развития ввиду того, что название *коса*, которое обозначало кочевой образ жизни, могло возникнуть у различных народов тюркского происхождения весьма независимо [Артамонов, 1962, с. 114]. Однако несомненно одно, изначально термин *кас-* (*кос-*) являлся самоназванием у многих народов тюркского происхождения.

Это заставляет вспомнить мнение А.В. Пьянкова о “касожском” происхождении носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе, ибо данные средневековых авторов свидетельствуют о проживании в упомянутом районе в первой половине X в. именно касогов [Пьянков, 2001, с. 204–205]. И это при том, что этноним *касого* и кремационные захоронения в Дюрсо появились практически одновременно. Поэтому можно считать, что изначально термин *касого* являлся обобщающим названием для смешанного тюрко-адыгского населения Прикубанья в конце VIII – первой половине X вв. И уже в послехазарский период он использовался как обобщающее наименование для всех адыгов, ведь история знает немало таких примеров, когда название политически господствующей этнической группы переходит на подвластный народ. О возможности такого симбиоза могут свидетельствовать раскопки Борисовского могильника, где на участке хазарского времени встречались не только кремации салтовского типа, но и ингумации в каменных ящиках, что соответствует местным традициям [Саханов, 1914, с. 75–219].

В сложившейся ситуации хочется также обратить внимание на ряд сопадений. В первую очередь, отметим ситуацию в бассейне Северского Донца. В исторической литературе существует мнение, что сами хазары не принимали непосредственного участия в покорении славянских племен, а осуществляли это с помощью алано-болгарских племен бассейна Северского Донца [Плетнева 1967; Плетнева 1989]. По мнению А. А. Тортики, в „Повести временных лет” и в устной традиции эти алано-болгары были сокрыты под обобщающим названием „КозарѢ” [Тортика, 2007, с. 21]. Однако, если название хазар распространялось на аланов и болгар бассейна Северского Донца, то это может лишь означать, что этнические хазары должны были физически присутствовать в их среде. Однако археологически в том регионе памятники хазар еще не выделены, тогда как с аланами связывают катакомбы верхнесалтовского типа, а с болгарами – грунтовые погребения зливкинского типа. Однако при этом остаются этнически неатрибутированы трупосожжения салтовского типа, эталонными из которых являются находки из Сухой Гомольши.

Весьма характерно, что подобная ситуация с распространением этнополитонима *хазары* наблюдается и на Северо-Западном Кавказе. Так, письменными источниками появление хазар в Восточном Причерноморье было отмечено уже в VII ст. По крайней мере, в “Космографии” Равеннского Анонима отмечено: “Далее в равнинной местности расположена чрезвычайно обширная как в длину, так и в ширину [страна], которая называется Хазарией; этих хазаров вышеупомянутый Иордан называет агацирами. Через эту страну хазаров протекает множество рек и среди прочих большая река, которую называют Куфис (Кубань)...” [Подосинов, 1999, с. 227]. При описании событий X в. хазаро-еврейские и некоторые мусульманские документы

упоминали о хазарах-иудеях в связи с событиями на Таманском полуострове [Коковцов, 1932, с. 102; Голб, Прицак, 1997, с. 141; Гаркави, 1870, с. 251].

Обычно исследователи обращают внимание на то, что “Повесть временных лет” упоминает о хазарах из Тмутаракани в связи с событиями 1023 (6531) г. [Ипатьевская летопись, 1843, с. 265], 1079 (6587) г. [Повість врем’яних літ, 1990, с. 314–315] и 1083 (6591) г. [Воскресенская летопись, 1856, с. 3]. Однако в XII в. арабский географ ал-Идриси в своем сочинении “Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак” (“Отрада страстно желающего пересечь мир”) указал на нахождение страны хазар южнее – на восточном берегу Черного моря (Нитас). Так, ал-Идриси уже в предисловии к своему сочинению отметил: “Море Нитас простирается на восток, омывая на юге землю Хараклийа (Гераклея. – О.Б.), землю Аструбули (Триполи. – О.Б.), берега Атрабзунда (Трапезунд. – О.Б.), землю Ашкала, землю Ланийа (Алания. – О.Б.). Крайний предел этого залива доходит там до [земли] *ал-Хазарийа*. Оттуда берег моря поворачивает вспять к Матрахе, продолжается до страны ар-Русийа, страны Бурджан (Дунайская Болгария. – О.Б.), устья реки Данабрис, минует устье реки Дану, доходит до узкого входа в канал [города] ал-Кунстантина..” [Коновалова, 2006, с. 108]. Как отметила в своих комментариях переводчик текста ал-Идриси – И. Г. Коновалова, “можно заключить, что и в данном случае под словом „ал-Хазарийа” подразумевается название страны, а не города” [Коновалова, 2006, с. 133, прим. 17].

Далее, в описании 6 секции 6 климата, где речь идет о маршруте от Трапезунда до городов Восточного и Северо-Восточного Причерноморья, ал-Идриси уже упоминает город хазар: “От города ал-Ланийа до города Хазарийа, по которому именуется хазары, сорок пять миль. Это большой цветущий город, обильно орошаемый водами. Он стоит на реке. От города ал-Хазарийа до города Кира двадцать пять миль, а от последнего до [города] Куманийа, по имени которого названы куманы и [сам] этот город именуется Черной Куманией, – двадцать пять миль” [Коновалова, 2006, с. 118]. Относительно данного пассажа И. Г. Коновалова сделала не вызывающий возражений комментарий: “По всей вероятности, здесь речь идет о каком-то городе Северного Кавказа... Указание ал-Идриси на то, что ближайшим к *ал-Хазарийи* пунктами являются, с одной стороны, аланский, а с другой – куманский (половецкий) город, позволяет локализовать город *ал-Хазарийа* где-то в западной части Северного Кавказа.” [Коновалова, 2008, с. 84].

Дальнейшую информацию о судьбе хазар в Восточном Причерноморье могут дать сведения Плано Карпини, относящиеся к первой половине XIII в. Характерно, что в одном из своих списков народов Плано Карпини поместил хазар среди народов Западного Кавказа: “С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркасы, Хозары, Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, Брутахи, которые слывут иудеями – они бреют голову, – также земля Цикков, Георгианов и Арменов и земля Турков.” [Карпини, 1957, с. 57]. При

этом ни ал-Идриси, ни Плато Карпини не относили упомянутых хазар Восточного Причерноморья к числу иудеев, что исключает их из числа потомков иудейского населения Тмутаракани. В последних резоннее видеть упомянутых Плато Карпини “брутахиив-иудеев.” Стало быть, хазары-язычники могли проживать южнее Тмутаракани, на Восточном берегу Черного моря, т. е. там, где в хазарское время имел распространение обряд трупосожжения.

Весьма примечательно, что в этом же районе и в послехазарский период, буквально до XIV в., продолжали бытовать трупосожжения (рис. 7), которые уже в новых условиях стали совершать под курганными насыпями. При этом одновременно совершались подкурганные захоронения в каменных ящиках. Кремационные же погребения на этих биритуальных курганных могильниках были урновыми и безурновыми, но преобладали первые. Обычно после кремации на стороне прах с оставшимися вещами ссыпался в урну, которую захоранивали на древнем горизонте или вкапывали на разную степень глубины в грунт. Безурновые погребения представляют собой захоронения праха, ссыпанного в ямку [Армарчук, Дмитриев, 2001, с. 216-217]. Говоря о преемственности подкурганных кремаций с трупосожжениями более раннего времени, Армарчук и Дмитриев отметили: “Яркие слагаемые здешней культуры конца XI – первой половины XIII в. создают носители кремационного погребального обряда, которые в свою очередь генетически связаны с предшествующим периодом VIII–X в., когда тут внезапно появляется этот обряд. Связь прослеживается в преемственности и развитии обряда трупосожжения, в вещах и составе погребального инвентаря, в трансформации в конце XI – первой половине XIII в. обычая VIII–IX вв. помещать в воинские погребения сбрую, в обычай сопровождать погребения захоронением коня” [Армарчук, Дмитриев, 2001, с. 224].

В методологическом отношении данное предположение может иметь под собой основание, ибо погребальный обряд является наиболее консервативным. Однако в послехазарское время данный признак мог отражать уже не этнические, а социальные отличия. Скажем, обряда подкурганной ингумации могли придерживаться представители одной родовой группы, а кремации – представители другого рода. Иногда этнические и социальные факторы могли быть связаны между собой. Сама смена грунтовых захоронений на подкурганные может также отражать не этнические, а социальные процессы. При этом смена материальной культуры вовсе не означала смену этнической ситуации. Однако сохранение в послехазарское время в Восточном Причерноморье этнонима *хазары* и бытование именно здесь трупосожжений, но уже под курганными насыпями, может быть отнюдь не случайным. Получается, что часть носителей кремационного обряда в послехазарское время интегрировалась в адыгское общество, а другие продолжали сохранять свою этническую самобытность и были известны под именем *хазары*.

Столь длительное бытование этнонима *хазары* можно объяснить двумя факторами. Во-первых, носители кремационного обряда появились на Северо-Западном Кавказе вместе с этническими хазарами, и этот экзоэтноним закрепился за ними, независимо от их происхождения. Во-вторых, в Северо-Восточном Причерноморье могло появиться одно из племен хазарской конфедерации, в среде которого имели распространение кремации.

В пользу второго предположения необходимо отметить, что исследователи уже давно пришли к выводу, что хазарский этнос после событий VII в. представлял собой довольно пеструю конфедерацию племен, где этнические признаки тесно переплелись с социальными факторами. Довольно распространенным является мнение, что верхушку хазарского общества представляли собой представители харизматического рода Ашина с той частью одноименного каганского племени, которое ушло с ними из Центральной Азии в Восточную Европу. Следовательно, разнородность хазарских племен должна была обусловить различия и в погребальном обряде хазар. Однако, несмотря на очевидность этого факта, некоторые археологи до сих пор пытаются найти «культуру этнических хазар». Сам сравнительный анализ с традициями восточных тюрков-тугю, которые еще до начала VII в. сжигали своих каганов, позволяет считать, что в среде каганского племени западных тюркютов также должен был иметь распространение обряд кремации. Однако из-за отсутствия данных пока рано говорить о том, что кремационные захоронения Дюрсо и Сухой Гомольши могут иметь прямое отношение к захоронениям тюркской знати, что мы наблюдаем в раннесредневековых погребениях Северного Причерноморья и Центральной Азии. Распространение обряда кремации среди кочевников, хотя и бывших, может указывать на их прародину в районе лесостепи. К данному описанию очень хорошо подходит Южная Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И.* Погребение хазарского воина // *СА. 1985. № 3.*
- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А. И.* Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // *Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, 2009.*
- Аксенов В. С., Михеев В. К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. “Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.” // *Хазарский альманах. Т. 5. Киев–Харьков, 2006.*
- Алексеева Е. П.* К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // *Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Ставрополь, 1970.*
- Алексеева Е. П.* О происхождении абазин и расселении их в средние века // *Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1980.*
- Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // *Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва, 1981.*

- Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов. Москва, 1982.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В.* Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.
- Артамонов М. И.* История хазар. Ленинград, 1962.
- Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. Москва, 1987.
- Афанасьев Г. Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата? // РА. 2001. № 2.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. Москва–Ленинград, 1950.
- Бубенок О.Б., Аксенов В.С.* Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, 2009.
- Буйнов Ю. В., Дьяченко А. Г., Шрамко Б. А.* Работы на новостройках Харьковской обл. // АО.1977. Москва, 1978.
- Васильевский В. Г.* Хождение Апостола в стране Мирмидонян // Васильевский В. Г. Труды. Т. II. Вып. 1. Санкт-Петербург., 1909.
- Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1973.
- Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. Т. VII. Санкт-Петербург, 1856.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.
- Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.
- Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). Санкт-Петербург, 1870.
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. Москва–Иерусалим, 1997.
- Грач А. Д.* Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. Москва, 1968 / <http://kronk.narod.ru/library/grach-ad-1968.html>
- Грінченко В. А.* Памятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Т. 3. Київ, 1950.
- Дмитриев А.В.* К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII–IX века в районе Новороссийска - Геленджика. // VIII «Крупновские чтения». Нальчик, 1978.
- Дмитриев А. В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Москва, 2003.
- Дмитриев А. В.* К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений конца VIII – начала IX века в районе Новороссийска-Геленджика. 2009 / <http://www.nasledie.org/v3/ru/?action=view&id=127163>
- Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоянкова Н. А.* Сокровища хана Кубрата (Перещепинский клад). Санкт-Петербург, 1997.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Санкт-Петербург, 1843.
- Карпини П.* История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва–Ленинград, 1957.
- Кляшторный С. Г., Султанов Г. И.* Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье. Санкт-Петербург, 2000.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Древней Евразии. Санкт-Петербург, 2005.
- Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

- Комар А. В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 3 (4) / <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/komar.html>
- Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Москва, 2006.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Москва, 1991.
- Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Т. XLI. Москва, 1951.
- Кухаренко Ю. В. Новопокровський могильник і поселення // Археолгія. Т. 6. Київ, 1952.
- Кызласов Л. Р. Тува в период Тюркского каганата // Вестник Московского университета (историко-филологическая серия). 1958. № 4.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Санкт-Петербург, 1846.
- Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. с греч. С. Дестуниса. Санкт-Петербург, 1860.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. Москва, 1963.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Михеев В. К., Приходнюк О. М. Пеньківське поселення на Сіверському Дінці // Археологія. Т. 54. Київ, 1986.
- Михеев В. К. Сухогомольшанський могильник // СА. 1986. № 3.
- Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья – Приазовья в VIII–X вв. (Ч. 1) // Археология славянского Юго-Востока. Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж, 1991.
- Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. Москва, 1972.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.
- Повість врем'яних літ. Літопис (за Іпатьським списком). Київ., 1990.
- Подосинов А. В. Северо-Восточная Европа в «Космографии» Равеннского Анонима // Восточная Европа в исторической ретроспекции. К 80-летию В.Т. Пашуто. Москва, 1999.
- Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Київ, Чернівці, 2001.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996.
- Пьянков А. В. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Пьянков А. В. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII веков из Кубано-черноморского региона // <http://www.bibliotekar.ru/rusPrichernomorie/31.htm>
<http://www.bibliotekar.ru/rusPrichernomorie/31.htm>
- Саханов В. Б. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Т. 56. Москва, 1914.
- Сміленко А. Т. Глодоські скарби. Київ, 1965.
- Тарабанов А.В. Кремационные погребения VIII-X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность. // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994.
- Тортіка О.О. Алаано-болгарське населення Північно-Західної Хозарії в етносоціальному та геополітичному просторі півдня Східної Європи. Автореф. дис. ... док. іст. наук. Харків, 2007.

- Турчанинов Г. Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Москва, 1971.
- Худуд ал-'Алем* (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград, 1930.
- Шрамко Б. А.* Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской обл. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.
- Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. New-York, 1954.

О. Б. Бубенок

КРЕМАЦІЙНИЙ ОБРЯД ПОХОВАНЬ ХОЗАРСЬКОГО ЧАСУ
НА ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОМУ КАВКАЗІ:
ТРАДИЦІЯ ЧИ ІННОВАЦІЯ?

Резюме

У статті заакцентовано увагу на походженні кремаційних могильників хозарського часу на Північно-Західному Кавказі, найбільш відомими із яких є Борисівський та Дюрсо. Автор не підтримує гіпотезу про місцеве походження цих могильників салтівської культури, тому що відсутня спадкоємність між кремаціями хозарського часу і місцевими трупоспаленнями перших століть нашої ери. Тому більш привабливою є гіпотеза про прийшлий характер звичая кремацій. Прямі аналоги пам'яткам Дюрсо виявлені в басейні Сіверського Дінця в Сухій Гомольші серед пам'яток салтівської культури. Дані археології та письмових джерел дозволяють говорити про центральноазійське походження носіїв обряду кремації. Цілком можливо, що знаходження цього племені серед адигів мало сприяти поширенню серед них нового етноніма – *косоги*.

О. Б. Бубенок

КРЕМАЦИОННЫЙ ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЙ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ:
ТРАДИЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ?

Резюме

В статье акцентируется внимание на происхождении кремационных могильников хазарского времени на Северо-Западном Кавказе, наиболее знаменитыми из которых являются Борисовский и Дюрсо. Автор не поддерживает гипотезу о местном происхождении этих могильников салтовской культуры, потому что отсутствует преемственность между кремациями хазарского времени и местными трупосожжениями первых

веков нашей эры. Поэтому более предпочтительной выглядит гипотеза о пришлом характере обычая кремаций. Прямые аналогии памятникам Дюрсо выявлены в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше среди памятников салтовской культуры. Данные археологии и письменных источников позволяют говорить о центральноазиатском происхождении носителей обряда кремации. Вполне вероятно, что нахождение этого племени среди адыгов могло способствовать распространению среди первых нового этнонима – *касогои*.

O. B. Bubenok

THE CREMATIONS OF THE KHAZAR TIMES
IN THE NORTH-WEST CAUCASUS:
THE TRADITION OR INNOVATION?

Summary

In this paper the main attention is concentrated on the origin of cremation cemeteries of the Khazar times in the North-West Caucasus where Durso and Borisovskiy are more popular. The author doesn't support the hypothesis on their native origin because there is no link between the cremations of Khazar period and the native cremation of the first centuries AD. Therefore, the hypothesis on the newcomers is more preferable. The cremations of Durso and the ones from the Siverskiy Donets basin (near Sukhaya Gomolsha) are similar. According to the data of archaeology and written sources, we can speak about the Central Asian origin of this custom. Maybe, this tribe could spread the new ethnic name "the Kasogs" among the Adygs as well.

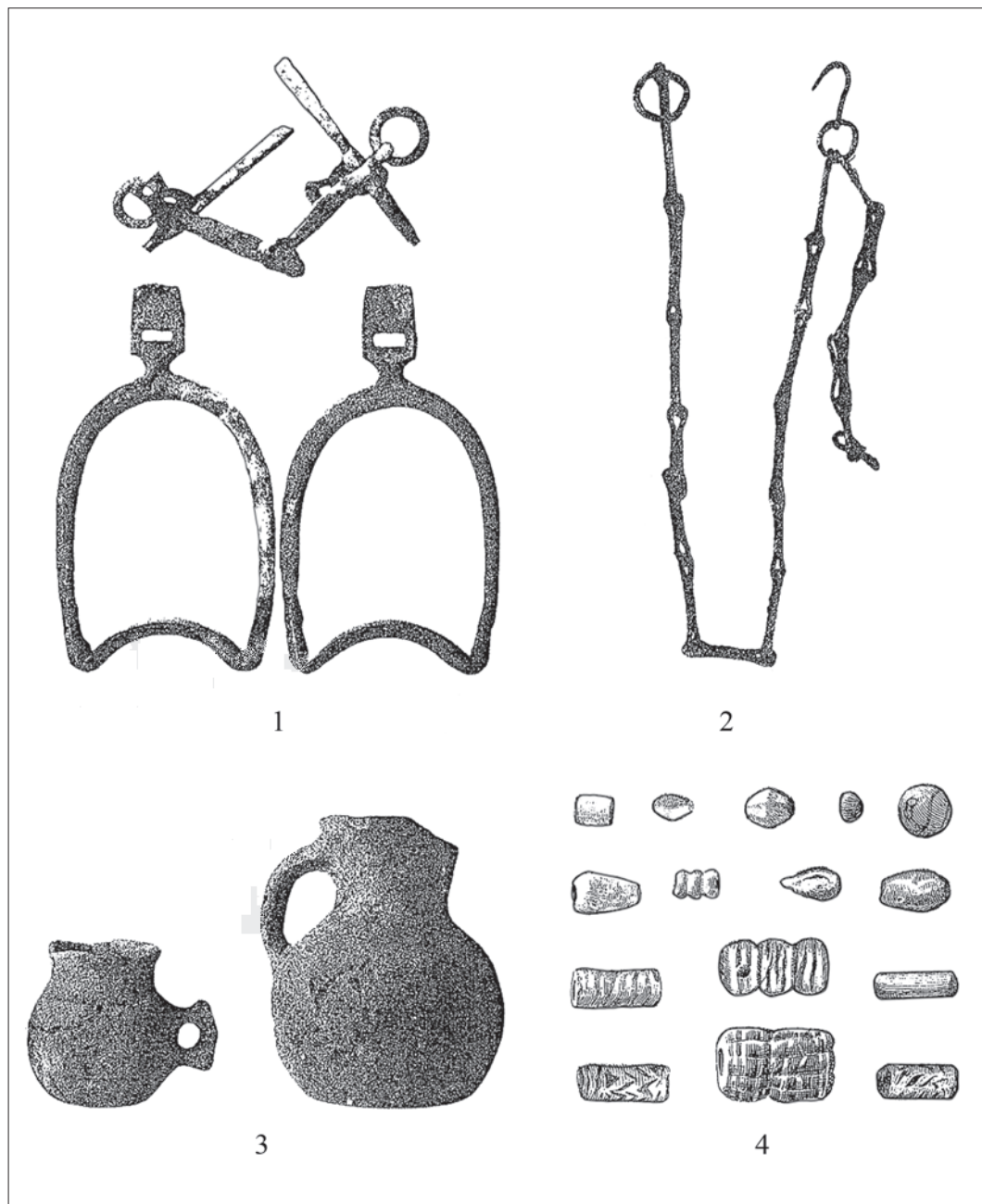

Рис. 1. Инвентарь из захоронений третьей группы Борисовского могильника (по данным В.В. Саханова):

1 – удила и стремена из погребения № 144; 2 – железная цепь из погребения № 134; 3 – керамические сосуды; 4 – бусы

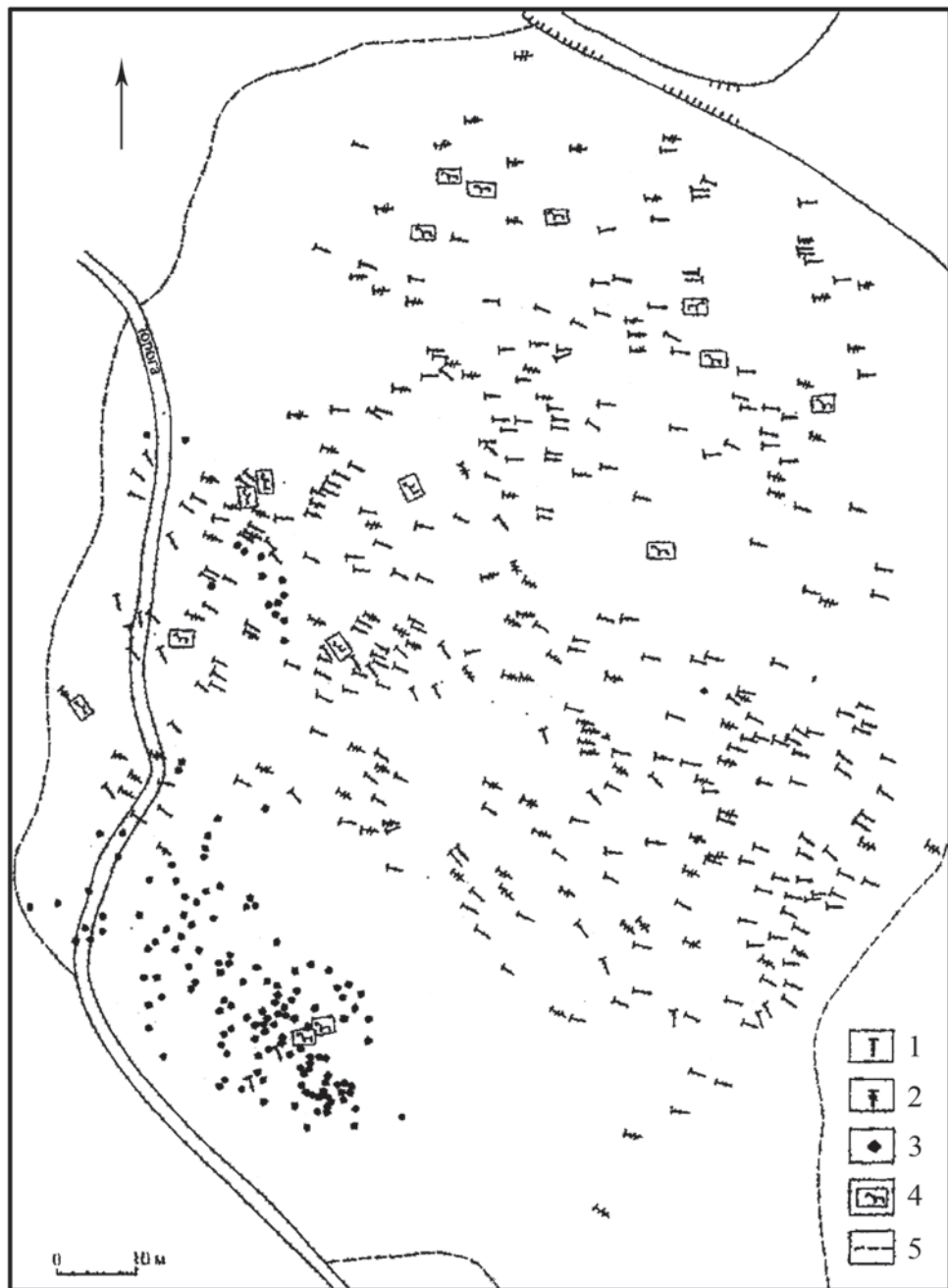

Рис. 2. Расположение погребений на могильнике Дюрсо (по данным А.В. Дмитриева):
1 – труположения; 2 – труположения, нарушенные в древности; 3 – трупосождения; 4 – захоронения
коней; 5 – границы раскопанной площади

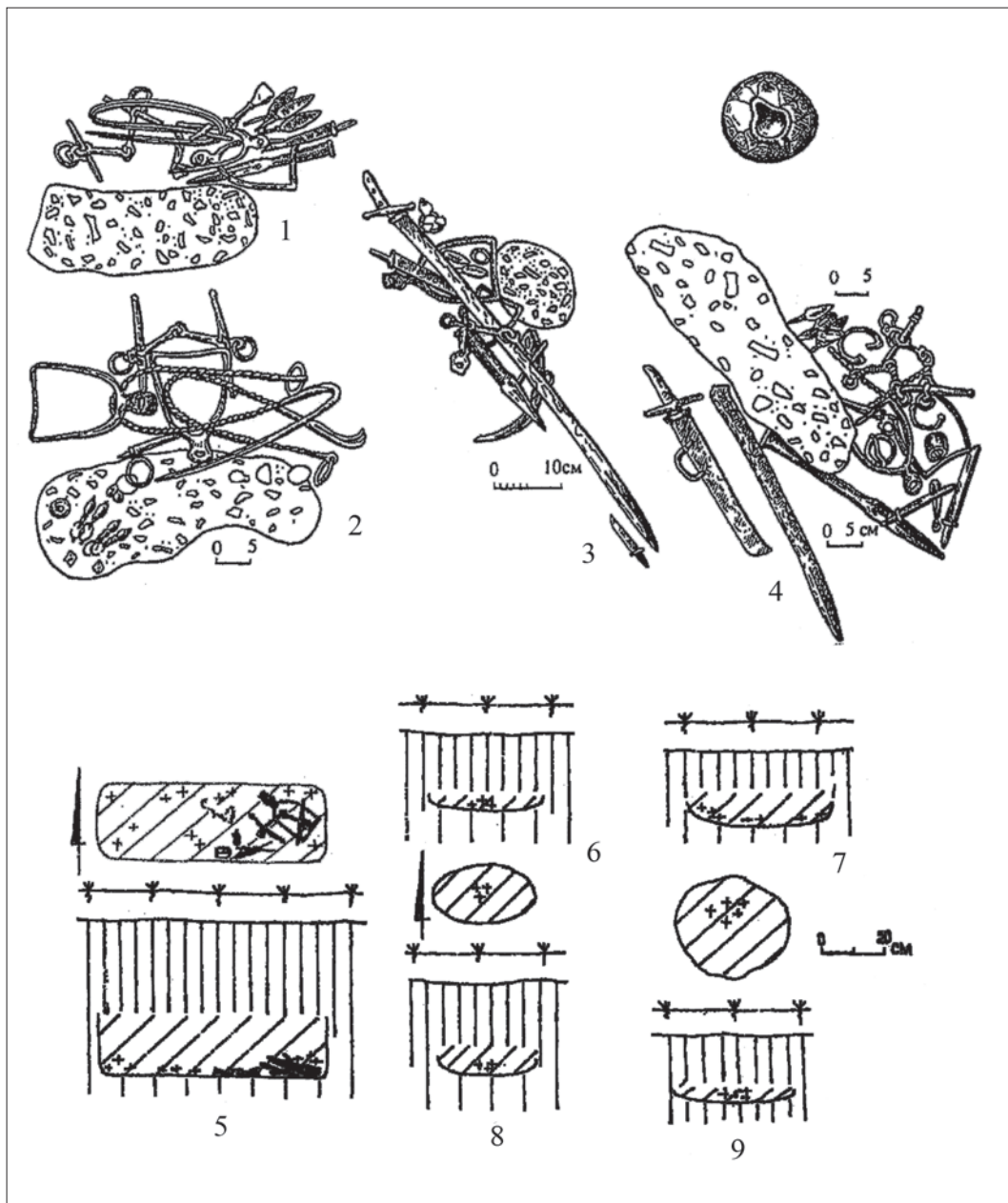

Рис. 3. Обряд трупосожжения на могильниках Дюросо (1-4) и Сухая Гомольша (5-9) (по данным А.В. Дмитриева и В.К. Михеева)

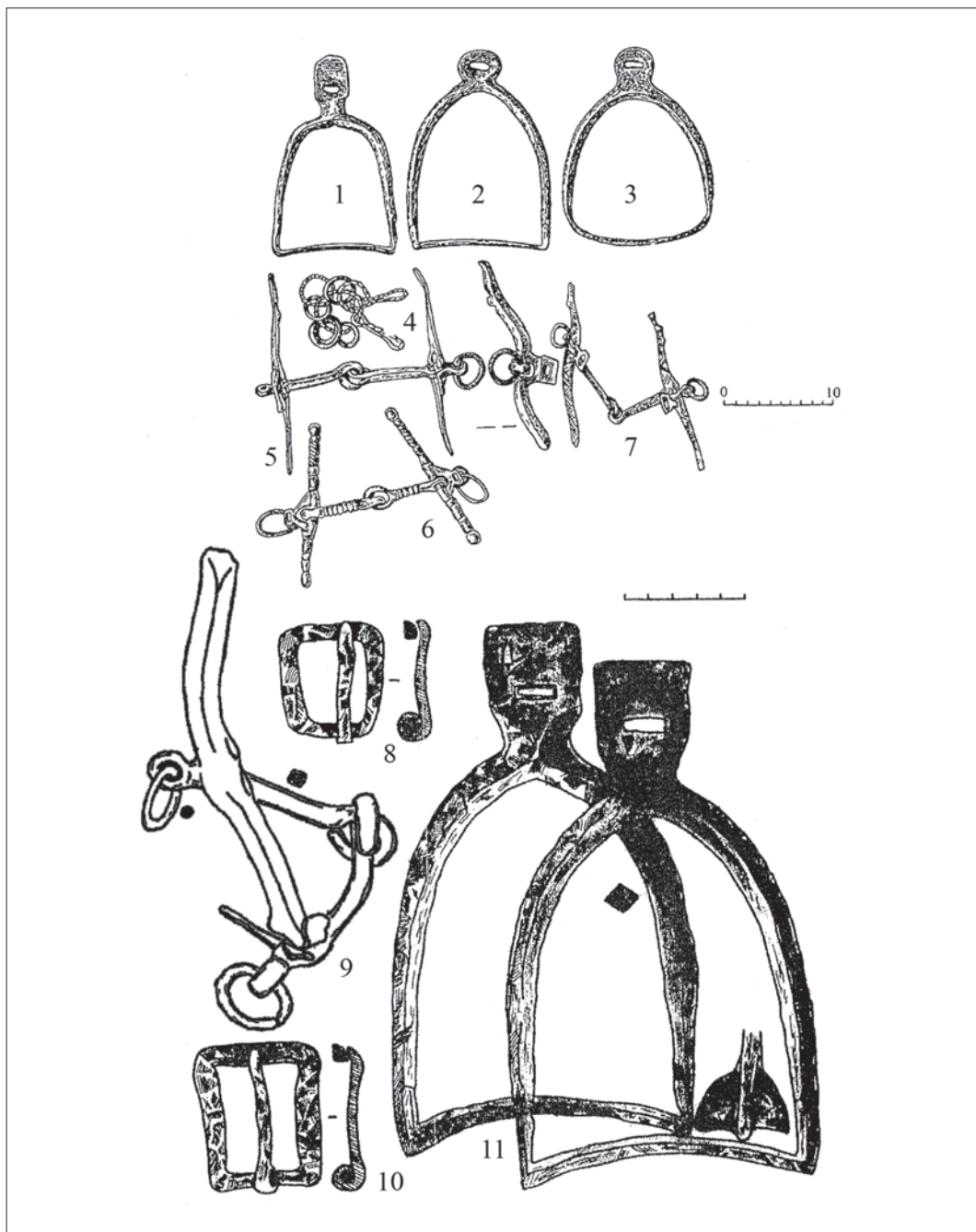

Рис. 4. Детали конского снаряжения из захоронений Дюрсо (1–7) и Сухой Гомольши (8–11) (по данным А.В. Дмитриева и В.К. Михеева)

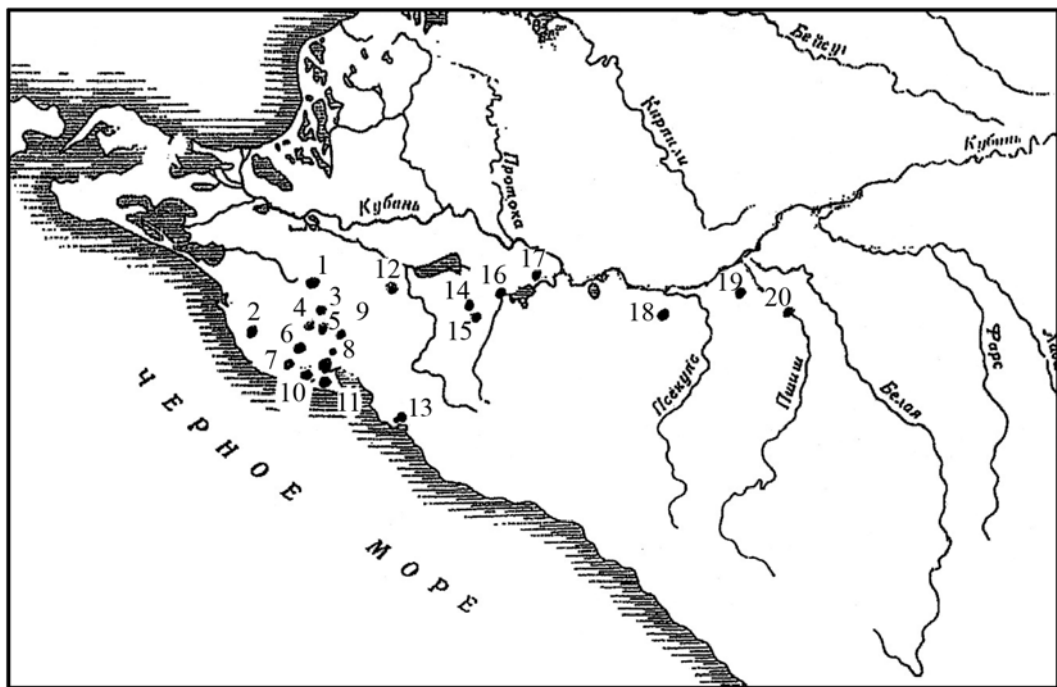

Рис. 5. Распространение кремационных могильников на Северо-Западном Кавказе во второй половине VIII – IX вв. (по данным А.В. Пьянкова):

- 1 – Горностаевка; 2 – Су-Псех; 3 – Ленинский Путь; 4 – Восьмая щель; 5 – Цемдолина; 6 – Большие Хутора; 7 – Дюрсо; 8 – г. Болтын; 9 – ул. Днестровская; 10 – Южная Озерейка; 11 – Мысхаково; 12 – Молдавановский; 13 – Борисовский; 14 – Общественный; 15 – хут. Хабль; 16 – Бугайский бугор; 17 – Крюковский мыс; 18 – Тахтамукаевский; 19 – Казазово; 20 – Псекупский

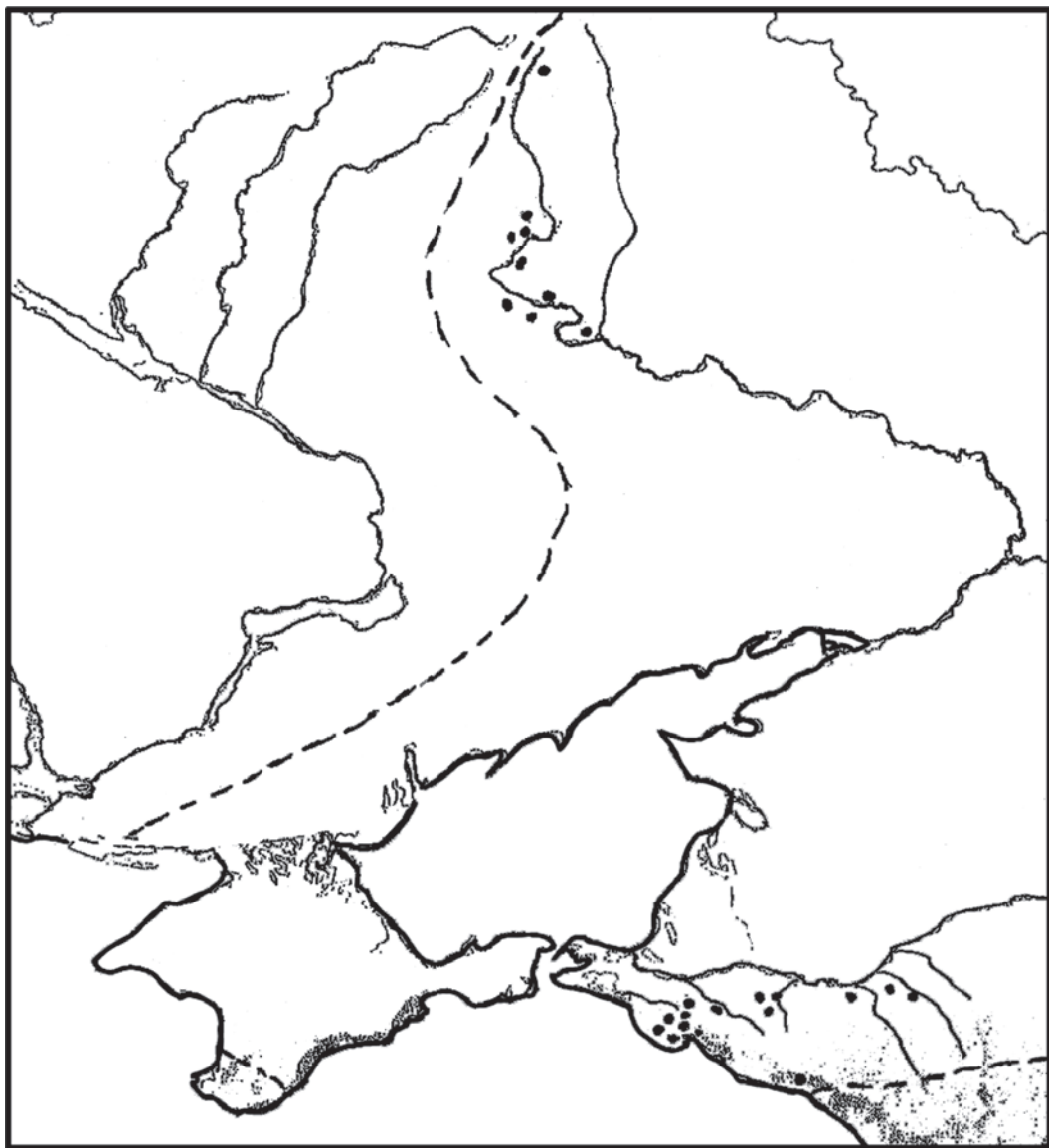

Рис. 6. Местонахождение могильников салтовской культуры с кремационными захоронениями вдоль западной границы Хазарского каганата

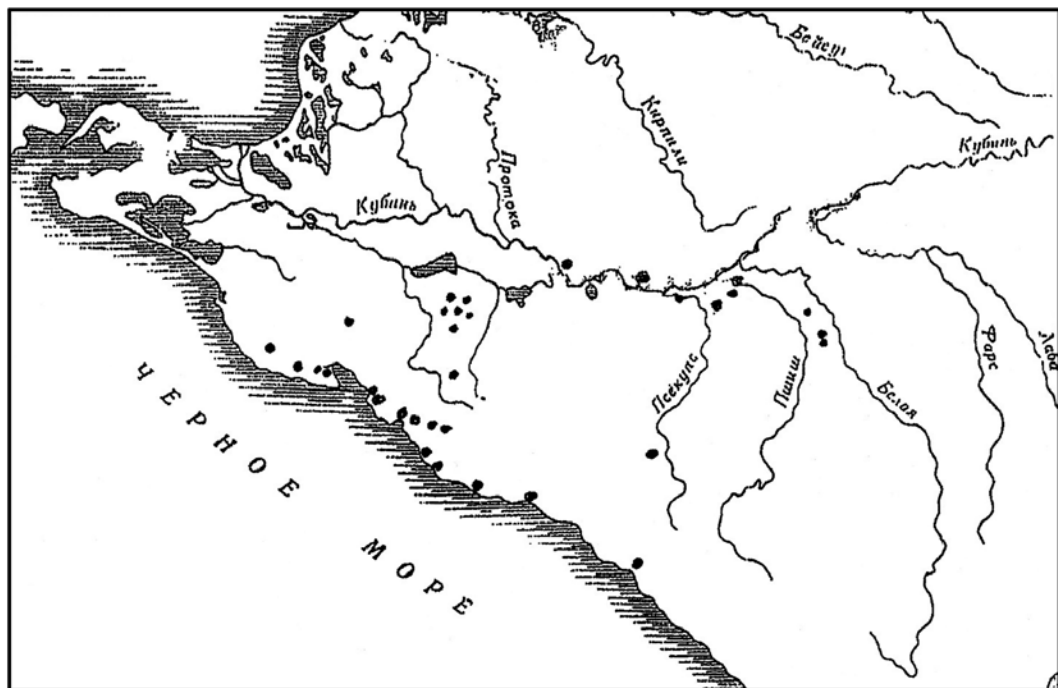

Рис. 7. Распространение кремационных захоронений на Северо-Западном Кавказе во второй половине X – XIII вв. (по данным А.В. Пьянкова)